

А. А. ЗИМИН

Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии

Ермолай-Еразм — один из наиболее ярких писателей-публицистов середины XVI в., в сочинениях которого крестьянская тематика занимает значительное место.¹ Уже в середине XIX в. с именем монаха Еразма связывалось создание Повести о Петре и Февронии² — замечательного по своей образности и идейной направленности произведения, в котором героиней выступала простая крестьянская девушка. Позднее В. Ф. Ржига убедительно доказал, что автором этой Повести является публицист середины XVI в. Ермолай-Еразм.³

Последующие исследователи, и в первую очередь Ю. А. Яворский⁴ и М. О. Скрипиль,⁵ подвергнув критике выводы В. Ф. Ржиги, попытались отрицать авторство Ермолая-Еразма, относя составление Повести к XV в. Однако их доводы не могут быть признаны убедительными.

Повесть о Петре и Февронии сохранилась в ряде редакций, древнейшая из которых издана М. О. Скрипилем по 12 лучшим спискам XVI—начала XVII в. Эта редакция имеет предисловие и заключение, которые содержат ряд мест, текстуально совпадающих с Большой трилогией Ермолая-Еразма. Уже это является аргументом в пользу того, что обработка Повести принадлежит данному публицисту.⁶ Мало того, лучший список, положенный в основу издания (ГИМ, собр. Хлудова, № 147), помещен в сборнике, где находятся сочинения Ермолая, Хлудовский список хотя имеет отдельные пропуски и дефектные чтения, но весьма близок к протографу произведения. Ни один из сохранившихся текстов Повести вообще не старше 60-х годов XVI в.

Характер разночтений не позволяет отнести протограф Повести ко времени, сколько-нибудь отдаленному от древнейших дошедших до нас списков. М. О. Скрипиль считает, что списки XVI в. «по составу своих

¹ См.: В. П. Андрианова - Перетц. Крестьянская тема в литературе XVI в. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 202, 204, 208.

² Филарет. 1) Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, стр. 211; 2) Русские святые, принятые всею церковью, месяц июнь. Чернигов, 1863, стр. 114.

³ В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. XXXIII. Л., 1926 (далее: В. Ф. Ржига), стр. 112—147.

⁴ Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, го́шник, IX. Прага, 1930—1931 (далее: Ю. А. Яворский), стр. 279—298.

⁵ М. О. Скрипиль. 1) Повесть о Петре и Февронии. Тексты. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949 (далее: М. О. Скрипиль, Тексты), стр. 215, 224; 2) Повесть о Петре и Февронии муромских и ее отношение к русской сказке. — ТОДРА, т. VII, стр. 132.

⁶ См. замечание, высказанное еще А. Поповым (ЧОИДР, 1880, кн. IV, стр. VIII). При этом составитель говорит: «Помяните же и мене прегрешнаго, списавшего сие елико слышах» (М. О. Скрипиль, Тексты, стр. 247). Ермолай в целом ряде сочинений называет себя «прегрешным». А в данном случае, как следует из приведенного текста, «прегрешный» является лицом, записавшим народную легенду.

чений очень сильно отличаются друг от друга».⁷ Это дает ему основание относить Повесгь не к XVI, а к XV в. Однако изучение вариантов не позволяет присоединиться к выводу М. О. Скрипиля. Подавляющая их часть содержит индивидуальные разночтения, явившиеся плодом ошибок или толкований самого автора того или иного списка. Групповые варианты также не дают текстов, хоть сколько-нибудь далеко отстоящих от протографа. В большинстве случаев это морфологические или фонетические разночтения,⁸ иногда чтения, более близкие к протографу, чем к Хлудовскому списку. Все эти разночтения легко объяснимы и при отнесении протографа памятника к концу 40-х годов XVI в.

Один из ранних списков Повести (ГБЛ, Московская духовная академия, № 224; в дальнейшем: МДА 224) имеет в заголовке прямое указание на авторство Еразма: «Творение господина смиренного мниха Иеразма».⁹ М. О. Скрипиль считает, что этот список «далеко отстоит даже от того архетипа повести, который можно воссоздать на основе сохранившихся ее списков XVI—XVII вв.», и, следовательно, «вопрос об авторстве Ермолая-Еразма отпадает сам собою».¹⁰

Прежде всего В. Ф. Ржига установил, что список МДА 224 дает не первоначальную редакцию Повести, а позднейшую.¹¹ Следовательно, индивидуальные особенности списка можно отнести за счет вторичной авторской обработки Повести.¹² Групповые варианты, связывающие список МДА с некоторыми другими, в ряде случаев дают чтения, лучшие¹³ по сравнению с Хлудовским, а прочие не могут считаться сколько-нибудь далеко отстоящими от протографа. Поэтому аргументы М. О. Скрипиля «от археографии» против авторства Ермолая-Еразма не могут быть признаны основательными.

Возражения, сделанные Ю. А. Яворским В. Ф. Ржиге, касаются как археографической, так и источниковедческой стороны вопроса. Археографические соображения этого критика крайне беспомощны в силу его субъективизма при подходе к тексту памятника, со списками которого Ю. А. Яворский вовсе не знакомился. В настоящее время после издания лучших текстов Повести М. О. Скрипилем возражения Яворского отвергнуть довольно просто. Так, например, вывод об отсутствии списков Повести ранее 60-х годов XVI в. Яворским расценивается как «случайная... быть может и с известной примесью предубеждения, хронологическая ошибка Ржиги».¹⁴ Новейшие широко проведенные текстологические разыскания М. О. Скрипиля подтвердили вывод В. Ф. Ржиги о датировке древнейших списков Повести. Следовательно, ни о какой «ошибке» тут говорить не приходится.

⁷ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 215.

⁸ Например, типа II, 31 — «ины» вместо «инья», 35 — «вопроси» вместо «въспроси» и т. д.

⁹ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 248.

¹⁰ М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 224.

¹¹ В. Ф. Ржига, стр. 130.

¹² Характерно усиление церковных элементов в списке МДА (см. ссылку на Иоанна Богослова: М. О. Скрипиль, *Тексты*, стр. 250). Это усиление нужно связать со сдвигами в мировоззрении Ермолая после его пострижения в монашество.

¹³ Например, XII, 42, доб. «и язвы», как в списках ДЕР, XIV, 68, «сотворят», как ЕИЛ и др.

¹⁴ Ю. А. Яворский, стр. 279. Существование икон Петра и Февронии XV—XVII вв. говорит о распространенности их культа и бытовании устной легенды о них, но никак не доказывает наличия письменной повести о них XV в., как то полагает О. И. Подобедова («Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 291, 304).

Объявляя хорошо продуманную генеалогию списков Повести и установление соотношения сил редакций, изложенные в исследовании В. Ф. Ржиги, основанными «на формальных и более или менее несущественных признаках и фактах», Ю. А. Яворский в то же время сам совершенно произвольно объявляет древнейшей так называемую III редакцию, сохранившуюся в одном списке XVIII в.¹⁵ Однако М. О. Скрипиль установил, что выявленная В. Ф. Ржигой редакция памятника действительно является древнейшей.¹⁶ III редакция сложилась, очевидно, к началу XVIII в. Имеющийся в ней эпизод о «верном друге» Петра вельможе Евстратии, давший Ю. А. Яворскому видимое основание для утверждения о древности III редакции (вследствие компаративистской ссылки автора на сходные с этим эпизодом «легендарно-бродячие» мотивы), на самом деле является вставным. Он не только отсутствует во всех остальных редакциях и списках Повести, но и противоречит всему идейному замыслу произведения, в котором врагами Петра и Февронии выступают как раз вельможи.

Появление в списке ОИДР упоминания имени Еразма как «писателя» Повести Ю. А. Яворский объявляет ошибкой, возможно происшедшей из-за того, что предисловие этого произведения напоминало отдельные мысли книги о троице, а быть может, и из-за «авторской инерции» Ермолая, поставившего на полях произведения свое имя.¹⁷ Но первое предположение Яворского неприемлемо, ибо оно основывается на произвольном, ничем не подтверждаемом допущении специальной источниковедческой работы переписчика, сопоставлявшего книгу о Троице и Повесть о Петре и Февронии для установления автора первого из названных произведений.¹⁸ Второе предположение Ю. А. Яворского вообще лишено смысла: допустить, что к Ермолаю попал текст произведения с интерполяциями из других его сочинений и рассеянный публицист по ошибке поставил свое имя, можно только исходя из предвзятого желания отрицать авторство Ермолая для Повести о Петре и Февронии.

В той же мере, в какой неудовлетворительной является критическая часть аргументации Ю. А. Яворского, направленная против выводов В. Ф. Ржиги, неприемлемы и собственные соображения автора о непричастности Ермолая к составлению Повести о Петре и Февронии. Ю. А. Яворский отмечает прежде всего народно-поэтический склад и язык памятника, считая все это противоречащим литературной манере Ермолая.¹⁹ В данном случае Ю. А. Яворский забывает, что публицист лишь записывал и обрабатывал устную легенду, чем и объясняются особенности языка Повести о Петре и Февронии. В этой связи можно вспомнить, как меняется язык Нестора и других древнерусских писателей в зависимости от жанра их сочинений и в особенности при записи ими народных преданий и легенд. Да и языковые особенности Большой трилогии Ермолая не похожи на особенности «Правительницы», несомненно принадлежащей тому же автору.

Наконец, Ю. А. Яворский обращает внимание на отсутствие песнопений о Петре и Февронии в тропарях, обработанных Ермолаем, и говорит, что существование службы XV в. этим святым, знавшей мотив об убийении Петром змия, свидетельствует о бытовании Повести уже в то время. Авто-

¹⁵ Ю. А. Яворский, стр. 281, 286.

¹⁶ М. О. Скрипиль, Тексты, стр. 215.

¹⁷ Ю. А. Яворский, стр. 290—291.

¹⁸ Помета могла быть сделана не автором, а составителем соорника, но лишь в том случае, если у него были прямые данные для утверждения авторства Ермолая.

¹⁹ Ю. А. Яворский, стр. 293.

ром Повести Ю. А. Яворский склонен считать Пахомия Серба или Михаила — составителей служб Петру и Февронии.²⁰

Аргумент от «песнопений» не может быть принят, ибо среди тропарей и кондаков, на которые ссылается Ю. А. Яворский, вообще нет ни одного песнопения, посвященного русским святым. К тому же существование службы Петру и Февронии XV в. избавляло Ермолая от необходимости сочинять новое произведение подобного рода. Наличие этой службы, однако, ни в коей мере не доказывает бытования Повести о муромских свя-тых как законченного письменного литературного произведения, а лишь говорит о существовании фольклора, наличие которого не отрицал и В. Ф. Ржига.

Таким образом, критика Ю. А. Яворского не поколебала основных выводов В. Ф. Ржиги о Ермолае как составителе Повести о Петре и Февронии.

Анализ содержания Повести также лишь подкрепляет гипотезу В. Ф. Ржиги. Обычный заголовок произведения начинается словами «Повесть от жития новых чудотворецъ муромских». «Новыми чудотворцами» именовались в середине XVI в. канонизированные соборами 1547—1549 гг. русские святые (см., например, упоминание о «новых чудотворцах» у Ивана Пересветова и др.). Интерес к новоявленным святым у Ермолая не случаен, поскольку публицист принадлежал к окружению митрополита Макария, инициатора составления многих житий русских святых в середине XVI в. В самой Повести можно найти отголоски событий первой половины XVI в. Так, главными врагами Петра и Февронии выступают бояре. Борьба великокняжеской власти с боярством сделалась одним из важнейших моментов внутриполитической истории России только после создания в конце XV в. Русского централизованного государства. Мотив о змеборстве опять-таки связан с событиями XVI в., и, в частности, с борьбой с Казанью (ср. легенды об основании этого города в «Казанской истории»).

Таким образом, если основу сюжета Повести о Петре и Февронии составляла народная легенда, корни которой, возможно, были весьма древними,²¹ то обработку легенды в особую Повесть следует приписать перу Ермолая-Еразма. Публицист, проявлявший в ряде своих произведений живое сочувствие к народным массам, заинтересовался народной легендой, в которой героиней была простая крестьянская девушка, и обработал ее в яркую по форме и глубокую по содержанию повесть, ставшую одним из самых значительных произведений этого жанра в русской литературе XVI в.

Наконец, интересен факт связи муромской агиографии со Псковом. Так, например, в житии Константина Муромского сообщается о «явлении» муромских чудотворцев псковскому посадскому человеку Петру.²² Поэтому знакомство псковитина Ермолая с муромскими легендами не должно нас удивлять.

²⁰ Ю. А. Яворский, стр. 294—295. Автор при этом упускает из вида, что Михаил жил в середине XVI, а не в XV в. О службах Петру и Февронии см.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. 195—197.

²¹ В. Т. Пашуто и С. И. Подобедова связывают происхождение легенды с фольклором XIII в., не приводя, впрочем, развернутой аргументации в пользу этого предположения (В. Т. П а ш у т о. За марксистско-ленинскую историю литературы. — Вопросы истории. М., 1950, № 3, стр. 120; О. М. П о д о б е д о в а. «Повесть о Петре и Февронии»... стр. 291).

²² По рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147 издана И. А. Шляпкиным (Ермолай прегрешный, новый писатель эпохи Грозного. — С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 563—565).

Время составления Повести следует отнести к концу 40-х годов XVI в., так как она возникла в связи с канонизационными соборами 1547 и 1549 гг., а по своему идейному содержанию близка к «Правительнице», написанной в 1549 г.²³

Ю. А. Яворский отрицает принадлежность Ермолаю Повести о Василии Рязанском («О граде Муроме») ²⁴ ввиду недоказанности принадлежности этому публицисту тесно связанной с нею Повести о Петре и Февронии». ²⁵ Однако об авторстве Ермолая говорит и наличие Повести о Василии Рязанце в сборнике рядом с сочинениями Ермолая, и близость ее к устной муромо-рязанской легенде, обнаруживающаяся и в Повести о Петре и Февронии. ²⁶ Повесть о епископе Василии посвящена переходу епископской кафедры из Мурома в Переяславль Рязанский. Она позднее была использована в житии князя Константина Муромского. ²⁷ Повесть о Василии Рязанском, очевидно, написана была Ермолаем, так же как и Повесть о Петре и Февронии, в конце 40-х годов XVI в. ²⁸

1577—1578 гг. В. Ф. Ржига датировал Послание Ермолая Софронию. Основанием для этого было упоминание о поездке Ивана Грозного во Псков, имевшей место в 1577 г. ²⁹ Поскольку Послание написано во Пскове (где Ермолай жил еще в 40-х годах XVI в.), постольку Ю. А. Яворский считал, что к нашему публицисту не может относиться летописное известие 1555 г. о дворцовом священнике Ермолае, проживавшем в Москве. ³⁰ Однако это возражение следует отвести, если Послание к Софронию датировать 1546 г., т. е. временем первой поездки Грозного во Псков. ³¹

Итак, 40-е годы XVI в. были временем расцвета публицистической деятельности Ермолая-Еразма. Именно в это время он написал Повесть о Петре и Февронии, «Благохотящим царям правительницу и землемерие», Послание Софронию и некоторые другие сочинения, проникнутые сочувствием к страданиям народа и призывавшие правительство Ивана Грозного к смягчению феодального гнета.

²³ Ю. А. Яворский, стр. 298.

²⁴ См.: В. Ф. Ржига, стр. 163.

²⁵ См. ее списки: ЦГАДА, собр. Мазурина, № 593; ГИМ, собр. Уварова, № 1868/40.

²⁶ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, 1915, кн. III, стр. 245.

²⁷ Время написания «Правительницы» определяется в связи с тем, что 1549 год был первым приступом к реформам, проект которых составляли Ермолай-Еразм и в том же году И. С. Пересветов. Ряд предложений Ермолая-Еразма нашел отражение уже в февральских вопросах царя 1550 г. (например, об описании земель, о корчмах и др.: И. Н. Жданов, Сочинения, т. 1, СПб., 1904, стр. 179, 184).

²⁸ См. ее списки: ЦГАДА, собр. Мазурина, № 593; ГИМ, собр. Уварова, № 1868/40.

²⁹ В. Ф. Ржига, стр. 164.

³⁰ Ю. А. Яворский, стр. 61—62.

³¹ ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904, стр. 149.